

Вскоре Дин Тянь заметил, что всё больше крестьян тянется в город, надеясь распродать собранный с полей урожай.

Поскольку большинство из них были из его родной Деревни семьи Дин, они останавливались в его новой усадьбе. При строительстве он предусмотрительно заложил несколько лишних комнат, и теперь все они были забиты под завязку.

Люди привозили отборное зерно, бобовые, крупы, а также выращенных за лето кур, уток, гусей и свиней.

Среди приезжих он встретил и Дин Каня.

— Брат Кань, ты тоже приехал продавать зерно?

— Да какое там продавать... — сокрушённо вздохнул Дин Кань. — Глаза бы мои на это зерно не глядели.

— Что случилось? — удивился Дин Тянь. — Год ведь выдался на редкость урожайным?

Хотя налоги в этом году исправно уплатили, погода благоволила крестьянам, дожди шли вовремя. Отчего же брат Кань ходит темнее тучи?

— Знаешь, сколько дают за зерно в новой лавке? — горько усмехнулся тот.

— И сколько же? — спросил Дин Тянь.

Речь шла о зерновой лавке «Фэндин», которую недавно открыл двоюродный брат супруги уездного судьи. Поговаривали, что это часть огромной сети Лавок Изобильного Урожая из южных провинций. В их лавках продавали настоящий нежный рис из Цзяннани и местное северное сорго.

Дин Тянь и сам подумывал заглянуть туда, чтобы купить пару цзиней риса. В своей прошлой жизни он тоже жил на севере, но рис там никогда не был роскошью. Здесь же купить его оказалось непросто: на севере заливных полей почти не держали, преобладали сухие пашни, где сеяли высокоурожайную кукурузу, засухоустойчивую пшеницу да просо с гаолянном.

Однако закупочные цены, которые выставила новая лавка, не выдерживали никакой критики.

— За один цзинь пшеницы дают всего две медные монеты! — упавшим голосом заговорил Дин Кань. — А за гаолян, кукурузу или сою — и вовсе по одной монете. Любое прочее зерно, какую крупу ни возьми, скупают по одной монете за цзинь! Всего по одной! За целый год горб над землёй надрываешь, а сколько за этот урожай выручишь? Сущие крохи...

Услышав это, Дин Тянь почувствовал, как в груди закипает злость.

Да, крупная лавка в городе теперь была одна-единственная, но сбивать цену до такого неприличия — это чистой воды грабёж.

— Пойду разузнаю, что там к чему, — бросил Дин Тянь.

Переодевшись в простое платье, он отправился к лавке «Фэндин». Там он попросил взвесить десять цзиней риса, за которые с него содрали немислимые два лана серебра. Оплачивая покупку, он как бы невзначай поинтересовался у прилавка:

— А почём у вас нынче пшеница на продажу?

— Пшеница — пять монет за цзинь, простая мука — семь, а тонкого помола, белейшая — по десять монет... — так и отскакивали от зубов заученные цены у расторопного приказчика. — Грубое зерно, конечно, подешевле будет. Гаолян да кукуруза — по три монеты, кукурузная мука — по пять. Прочие крупы тоже по три. О, соя по четыре монеты, из неё отличный тофу выходит... Правда, благородные господа её не жалуют. Зато наш рис — товар чистейшей пробы! Прямоком с юга доставлен. Берите, господин, не пожалеете, аромат на весь дом стоять будет!

Забрав мешок с рисом, Дин Тянь пошёл обратно. Дин Кань всё ещё стоял на рынке. На площади сегодня собралось множество крестьян из окрестных деревень, пытавшихся продать свои запасы в обход спекулянтов.

Они просили за зерно меньше, чем продавали в лавке, но чуть больше, чем давали тамошние закупщики. Однако на дворе стояла осень, закрома у всех ломились от урожая, и простых горожан, желающих купить зерно мешками, попросту не находилось.

Единственная крупная зерновая лавка в уезде беззастенчиво пользовалась своим монопольным положением, выжимая из крестьян последние соки.

Дин Тяня это зрелище глубоко уязвило. Дин Кань уже доставил ему причитающуюся долю с аренды полей, которую они благополучно припрятали. В усадьбе оставили достаточно зерна на пропитание и семена для будущего сева, а излишки планировали распродать. Но ведь крестьянским семьям нужны были деньги! Соль, масло, дрова, соевый соус — за всё в городе приходилось платить звонкой монетой.

Труженики целый год гнули спину на пашне, света белого не видя от усталости, а теперь их вынуждали отдавать плоды своего труда за бесценок. В то же время лавка перепродавала это зерно в два с лишним раза дороже! И это в сытый осенний сезон — к весне же цены неминуемо взлетят ещё выше.

— В городе теперь только они одни зерном заправляют, эх... — понутив голову, прошептал Дин Кань. — Всё равно придётся им кланяться, деваться-то некуда.

— Зерновая лавка, значит... — задумчиво протянул Дин Тянь. — А почему бы нам самим её не открыть?

Дин Кань изумлённо уставился на него:

— Ты хочешь заняться торговлей зерном?

— Не совсем торговать, скорее — пока просто придержать урожай, — усмехнулся Дин Тянь. — Прямо сейчас открываться мы не станем.

«Не сейчас» вовсе не означало «никогда». Только здоровая конкуренция могла сбить спесь со спекулянтов и заставить их поднять закупочные цены.

Вернувшись в Деревню семьи Дин, Дин Тянь сразу же созвал близких и поделился планом со вторым дядей:

— Дядя, в купеческих делах я мало что смыслю, но хочу попробовать открыть собственную зерновую лавку. Только пока об этом — ни звука. Пусть все деревенские, у кого остались излишки, несут зерно мне. Часть мы сложим в старой усадьбе, часть перевезём в городскую лавку. А двери для покупателей откроем сразу после Нового года.

— Зерновое дело — верный шаг, — горячо одобрил его затею второй дядя. — По весне цены на хлеб всегда взлетают до небес. Не переживай, я сам схожу с тобой к старосте трех деревень, договоримся. Начнём скупать запасы у наших деревенских.

В конце концов, крестьянам было всё равно, кому отдавать зерно, а поддержать своего человека в благом начинании — долг каждого честного общинника.

<http://bllate.org/book/19387/1997469>